

УДК 94(100)“1914/19”

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УЧАСТНИКИ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ
В ПАМЯТИ БЕЛОРУССКИХ ПОТОМКОВ**

В. М. Новик

Статья посвящена реконструкции фронтового опыта участников Первой мировой войны из белорусской деревни, память о которых хранят их потомки. Автор статьи, уроженка белорусского села Малая Воля, в течение многих лет собирала воспоминания родных и односельчан о событиях Первой мировой войны. Применяя методику oral history и военной антропологии, автор воссоздала обстановку и настроения во время пребывания жителей деревни Малая Воля на фронте, в австрийском плену и немецкой оккупации. Существенной деталью повествования является анализ данных местной топонимики и происхождения деревенских прозвищ, которые стали своеобразным проявлением исторической памяти. Приведены воспоминания о немецкой оккупации села, военных походах фронтовиков в революционную Москву, взаимоотношениях офицеров и солдат в русской царской армии. Образно показано психологическое состояние белорусского крестьянина, чьи нравственные устои были нарушены войной. Показаны быт и повседневная жизнь односельчан в окопах войны, в австрийском плену, во время оккупации села немецкими войсками. К счастью, судьба оказалась благосклонной к жителям деревни Малая Воля и участникам Первой мировой войны, большинство которых живыми и невредимыми вернулись домой. Их фронтовой опыт, реконструируемый по рассказам односельчан, предстает сложным переплетением долга, возложенного на крестьянина-солдата, который он с честью выполнял, и отсутствием осознания причин и целей непонятной войны. Потомки бережно хранят память об участниках Первой мировой войны, о своих односельчанах, переживших мировую катастрофу.

Ключевые слова: Первая мировая война, Беларусь, Малая Воля, участники войны, историческая память.

Для цитирования: Новик В. М. Первая мировая война: участники и их современники в памяти белорусских потомков // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 155–162.

Фронтовой опыт и судьбы рядовых участников Первой мировой войны, их современников, не принимавших участия в боевых действиях, сравнительно недавно стали предметом пристального внимания исследователей. Столь длительное забвение, связанное с чередой колоссальных потрясений, постигших Россию в XX веке,

постепенно преодолевается [7, с. 109]. Новые страницы фундаментальных исследований и опубликованных источников восполняют прежние лакуны «забытой войны» [5; 8; 9]. В последнее время появилось значительное число работ, авторы которых реконструируют фронтовую повседневность участников войны [11], анализируют их поведение в ментально-психологическом плане [6], в русле военно-исторической антропологии [1].

Несмотря на существенные успехи ученых, проблема человека на «забытой войне» и память о нем по-прежнему остается недостаточно исследованной.

Мы попытаемся реконструировать фронтовой опыт персонифицированных участников войны, их современников – односельчан из небольшой белорусской деревни, память о которых продолжает жить и в XXI веке.

В рядах 10-миллионной царской армии в годы Первой мировой войны сражались 650 тыс. белорусов [10, с. 214]. Среди них были жители деревни Малая Воля, ныне Дятловского района Гродненской области Республики Беларусь: Господарик Петр Степанович (1882–1960), Дубицкий Леон Фомич (1876–1958), Копоть Иван Матвеевич (1889–1961), Ольховик Юрий Данилович (1886–1942), Павочка Иосиф Иванович (1887–1957), Пузач Иосиф Васильевич (1884–1957), Пузач Николай Николаевич (1889–1963). Они очень скупы, неохотно делились воспоминаниями с односельчанами о своих фронтовых буднях, о неимоверно трудных дорогах войны. Эти воспоминания в рассказах односельчан были собраны автором настоящего исследования и положены в его основу.

Первыми боевое крещение в кровопролитных сражениях начавшейся войны приняли П. Господарик, Ю. Ольховик, И. Павочка и И. Пузач. Все они начинали службу в рядах царской армии на территории России еще в мирное время. П. Господарик и И. Пузач были направлены в Петроград, Ю. Ольховик и И. Павочка – в Тамбов. Вчерашние крестьяне, оторванные от сохи и косы, должны были овладеть военным искусством. Непривычными для них казались распорядок дня, обмундирование, винтовка в руках вместо орудий сельскохозяйственного труда, общение с сослуживцами, чему во многом мешал языковой барьер. Некоторые употребляемые новобранцами белорусские слова становились порой в среде военнослужащих предметом насмешек и основанием для присвоения им обидных прозвищ: Цыбуля (лук), Бусял (аист) и др.

Но, как оказалось, это были легко преодолимые трудности, несравнимые с теми, которые ожидали их впереди. Мирный срок службы был прерван трагическими событиями в Сараево, где 28 июня 1914 г. был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд, о котором солдаты русской армии имели смутное представление. Европа стала театром самой кровавой бойни в первой четверти XX века.

Россия, вступившая в войну на стороне Антанты, объявила всеобщую мобилизацию. На фронт в Восточную Пруссию вместе со своими сослуживцами были отправлены П. Господарик и И. Пузач. По их рассказам, самыми страшными были первые дни на фронте: груды искореженной техники, множество тел убитых, рвущиеся со всех сторон снаряды, замертво падающие рядом идущие товарищи. Крестьянский менталитет в совершенно непривычных условиях войны становился препятствием преодоления психологического барьера, ставившего солдата перед определенным выбором. С одной стороны, для них, выросших и воспитанных в деревенской среде, помощь, взаимовыручка, поддержка были главным стержнем повседневной жизни. Эти принципы они готовы были применять на фронте

на каждом шагу, поскольку во время боя, пробегая с винтовкой, видели тяжело раненных, умирающих, просящих о помощи. С другой – появлялось осознание невыполнения воинского долга – наступать и бить врага. Правда, эту миссию выполнять оказалось крайне сложно. Изо дня в день возникали трудности со снабжением армии боеприпасами. Штыковые атаки и рукопашный бой оставались единственным способом противостоять врагу, чтобы остановить его и спасти себя. После таких схваток, как рассказывали П. Господарик и И. Пузач, они в течение многих дней не могли ни спать, ни есть. Перед глазами постоянно всплывали лица убитых немцев, а оставшаяся кровь на шинели вызывала чувство брезгливости к пище. Впрочем, и полевая кухня появлялась не так часто. Скучный паек делили по крупицам. Голод порой утоляли овощами и фруктами из брошенных местными жителями садов и огородов, которые могли оказаться на пути продвижения армии. К сожалению, продвижение оказалось недолгим и трагическим. В сентябре 1914 года русская армия была вытеснена из Восточной Пруссии. Два русских корпуса попали в окружение, многие солдаты погибли, а некоторые оказались в плену. Именно такая участь постигла И. Пузача. Почти два года во время военного плена ему пришлось рыть окопы, строить блиндажи, ремонтировать железнодорожные пути на территории Австрии. Работать приходилось и днем и ночью. Силы были на пределе не только из-за изнурительного труда, но и скудного питания, так как в рационе военнопленных отсутствовал самый главный продукт солдата-крестьянина – хлеб. Его отсутствие не только истощало силы, но и вызывало ностальгию о родном доме, где пекли так называемые боханы, то есть довольно большие прямоугольной формы буханки хлеба, где твердо знали правило: «Бяз хлеба яда – да порога хада» («Без хлеба еда – до порога хотьба»), то есть пища без хлеба дает силы пройти только до порога. Иногда, правда, удавалось осчастливить военнопленных особыми «деликатесами». Однажды, как вспоминал И. Пузач, вдоль железнодорожных путей, которые они восстанавливали, бродила бесхозная корова, и ее молоком военнопленные питались в течение нескольких дней. Спать приходилось на земле или деревянных досках, покрытых небольшим слоем сена или соломы. С чувством горечи вспоминал И. Пузач о бесчеловечных способах наказания тех, кто пытался спастись бегством. Пойманных и возвращенных солдат сажали на несколько дней в яму, до половины заполненную ледяной водой, или клали на землю и, накрыв сверху досками, били по ним тяжелым молотом. Выжить удавалось немногим. Тем не менее свобода и тоска по дому преодолевали любой страх и опасность.

Однажды при перемещении на новый объект работ И. Пузачу с группой военнопленных удалось бежать. Вырвавшись из плена и перемещаясь только ночью, он оказался на территории Польши, откуда, как полагал, рукой подать до родной деревни. Нашлись сочувствующие люди, которые переодели его, обули, накормили и посоветовали заменить свою фамилию на польскую, объяснив, что так будет больше шансов найти место для ночлега, попросить продукты или другие необходимые вещи. Долго не раздумывая, Иосиф Пузач стал Феликсом (по белорусски – Фэліком) Кухарским. Псевдоним не только спас ему жизнь. Односельчане, узнав эту историю из его уст, после возвращения неофициально стали звать его Фэлик. Память о нем и по сей день живет в прозвище Фэликовые, которое носят его дети, внуки, правнуки.

Сослуживец И. Пузача – П. Господарик – после вытеснения русской армии из Восточной Пруссии оказался на Кавказском фронте и продолжал службу при штабе

полка. В отличие от передовой, где, как он вспоминал, со смертью приходилось сталкиваться на каждом шагу, здесь не свистели пули над головой, но сюда поступали сведения о людских потерях на фронте, от численности которых леденело сердце. Имея за плечами два класса церковно-приходской школы, П. Господарик занимался регистрацией погибших и раненых. Иногда ему приходилось присутствовать при захоронении погибших, и тогда он с особой тщательностью старался описывать эти координаты, осознавая, что его скрупулезность в будущем облегчит поиски их родным и близким. Он думал и о том, что в случае его смерти кто-то поступит соответствующим образом. П. Господарик был очевидцем драматических споров между офицерами русской армии о неудачах на фронте, которые разрешались порой с применением оружия. На всю жизнь ему врезался в память случайно подслушанный разговор между высшими офицерами, которые восхищались и высоко ценили выносливость, героизм, боевой дух солдат. Но до глубины души его потрясли и оскорбили их рассуждения о том, каким способом следует воспрепятствовать солдатам в будущем получать знания и развивать свои способности. Отцы-офицеры были обеспокоены судьбой собственных детей и не желали, чтобы они, вместо крестьян-патриотов, всю жизнь копались в земле. При этом офицеры считали, что им и свои головы беречь надо, а мусора, так они называли рядовых солдат, всегда хватит. Эти примеры крайней несправедливости П. Господарик настолько часто приводил в беседах со своими односельчанами, что они стали звать его «напшыклад», несколько измененное в разговорной речи белорусов как диалектное слово – напрыклад («например»).

В конце 1914 года на фронт из Тамбова были отправлены Ю. Ольховик и И. Павочка.

Ю. Ольховик воевал в Карпатах и потом рассказывал односельчанам о том, что их небольшой разведгруппе удалось захватить немецкого генерала и телохранителей. Его удивляло поведение пленных, которые по дороге к штабу беспрестанно молились, а потом, достав деньги из своих запасных карманов, пытались вложить в голенище сапог разведчиков. За участие в этой операции Ю. Ольховик получил краткосрочный отпуск, после которого на фронт не вернулся по состоянию здоровья. Жители деревни по достоинству оценили его поступок, называя вернувшегося солдата Юрочко. Соответственно, именем Юрочковые стали называть всех родных. Название *Юрочково* сохранилось даже в топографических объектах сельской местности – это были принадлежавшие ему лес, поле, болото.

Самым длительным был срок службы в царской армии у И. Павочки. Участие в военных действиях он начал на территории Польши. По его воспоминаниям, особенно кровопролитным было сражение на подступах к Варшаве, где текли настоящие реки крови, а некоторые солдаты от увиденного теряли рассудок. После тяжелейших испытаний русская армия, преследуя отступающих немцев, продвигалась к границам Германии. По непонятным для пехотинцев причинам часть солдат по приказу командования была отправлена в Москву. Больше всего это радовало И. Павочку, так как путь возвращения проходил через родную деревню. Он даже питал надежду получить краткосрочный отпуск. Такая практика имела место в царской армии. «Согласно высочайшим повелениям от 5 октября 1915 г. и 19 августа 1916 г. солдаты могли получить отпуск для устройства домашних дел и свидания с родными» [1, с. 73]. В крайнем случае, рассуждал он, хотя бы появится возможность встречи с родными. Каково же было его разочарование, когда, находясь

в нескольких шагах от своего дома, он не смог увидеть родных, сообщить о том, что жив. Руководство не разрешило рядовому пехотинцу хотя бы на несколько минут забежать в родной дом и порадовать своих родителей. Как выяснилось позже, в Москве они должны были предотвратить революционный взрыв и беспорядки по поводу недовольства царской властью. Но продолжающиеся неудачи на фронтах требовали пополнения рядов русской армии, и И. Павочка вновь был отправлен на Юго-Западный фронт. Однако революционные события в Петрограде, Москве и других городах России вновь возвращали солдат царской армии с фронта, теперь уже для установления власти большевиков. В этих рядах был и И. Павочка, за которым односельчане закрепили прозвище Большевик, перешедшее к потомкам, которых зовут Большевикувы, что напоминает о тех далеких событиях и об одном из их участников.

Территория Беларуси, которая входила в состав Российской империи, находилась в непосредственной близости от восточного театра военных действий. Летом 1915 года немецкие войска «захватили примерно 25 % территории Беларуси, где до войны проживало 2 млн человек» [2, с. 231]. Население захваченных территорий подвергалось массовым грабежам и насилию. По территории Беларуси тянулись неисчислимые потоки беженцев. Одних гнала война, многочисленные налоги, принудительные работы, вывоз рабочих и крестьян в Германию. Другие снимались с мест по приказу командования русской армии и жгли небольшие города и деревни, чтобы ничего не оставалось немцам. По приблизительным подсчетам, из Беларуси в это время ушло около 1,5 млн человек [3, с. 175]. К тому же началась новая волна мобилизации. На службу призывались лица пожилого возраста и молодежь досрочных призывов. К этой категории относились Л. Дубицкий, А. Копоть и Н. Пузач. Все они были отправлены на Юго-Западный фронт и перенесли тяжелейшие испытания. Они рассказывали о том, что им приходилось греть ноги в лужах крови из-за отсутствия обуви, поочередно носить теплую одежду, из-за отсутствия транспорта тащить на себе артиллерийские орудия, в минуты затишья во время сна приходилось раздеваться донага, так как одолевали насекомые, в касках готовить оставленные на полях овощи, чтобы не умереть с голода.

В памяти односельчан каждый из них занял достойное место. Н. Пузач за свой добрый нрав и внешний вид (у него на лице всегда был здоровый румянец) получил прозвище Боровик, а все его родные – Боровиковые.

Собственное имя Лявонь, и отсюда Лявоневые потомки, остались в памяти сельчан за Леоном Дубицким, которого сравнивали с С. М. Буденным за пышные усы, согревавшие, по его словам, сказанными в шутку, в окопах во время войны.

За родными трех поколений сохранилось прозвище Матавушавые, которое дал А. М. Копать. Вернувшись с войны, он часто употреблял в своей речи польские слова, и его отчество Матвеевич в белорусском языке произносилось как Матавуш.

В сентябре 1915 года кайзеровскими войсками была занята и деревня Малая Воля, в которой на тот период проживали всего 160 человек [4, с. 379]. У местного населения стали отнимать крупный рогатый скот, лошадей, продукты питания, фураж¹. Житель деревни Григорий Пузач, которому в это время было 18 лет, рассказывал, что мужчин, женщин и даже детей в принудительном порядке отправляли

¹ По этой причине жители соседней деревни Лупачи подожгли свои дома и ушли, кто на Восток в Центральную Россию, кто в далекую Америку.

на заготовку леса. Часть этой древесины перевозили в Германию, еще больше сплавляли по реке Щаре на ближайший фанерный завод в Мосты, продукция которого шла на нужды немецкой армии. Жители деревни обязаны были по всей округе собирать сосновые пни для получения скипидара. От каждой семьи требовали сдавать определенное количество ржи, гречихи, ячменя, пшеницы. Были введены разного рода денежные поборы. Немцы отнимали у жителей деревни различные вещи, в которых они нуждались. Необычную историю, как след пребывания их в деревне, рассказал Г. Пузач. Дедушка братьев Ольховиков Антона, Михаила, Николая и Андрея служил в царской армии. Это был крепкий коренастый мужик. Ходили слухи, что он пил воду только один раз в год. Из армии он привез сапоги, которыми его наградили за службу. Немцы увидели его в новых сапогах и дали команду: «Старый казак, отдай буты (сапоги)». Очевидно, его внешний вид ассоциировался у них с казаками. Он лишился сапог, но для односельчан отныне стал «казак». Прозвище Казаковые и по сегодняшний день носят потомки всех четырех семей Ольховиков.

Дополнительные трудности пришлось испытать всем жителям при строительстве моста через р. Щара и дороги длиной в 32 км до ближайшего центра Дятлово. Деревня находилась в удобном, со стратегической точки зрения, месте, и по фортификационным нормам необходимо было сооружать высокие насыпи на обоих берегах реки. Жители ежедневно мешками, котомками приносили, на небольших деревянных тележках привозили песок. Заготовленного леса для строительства моста было недостаточно, и тогда вырывали потолки, полы в домах, разрушали хозяйственные постройки. Мост и дорога так и остались недостроенными, а насыпь на берегу реки, хотя и заметно уменьшилась с течением времени, носит и сегодня название Немчунова (немецкая) горка.

К счастью, судьба оказалась благосклонной к жителям деревни Малая Воля и участникам Первой мировой войны, которые живыми и невредимыми вернулись домой. Их фронтовой опыт, реконструируемый по рассказам односельчан, предстает сложным переплетением долга, возложенного на крестьянина-солдата, который он с честью выполнял, и отсутствием осознания причин и целей непонятной войны. Современники, сами испытавшие и пережившие всю тяжесть немецкой оккупации, очень метко, с присущей им народной мудростью, изыскивали для фронтовиков особую форму награды, не требующей ни материальных затрат, ни моральных усилий. Потомки бережно хранят память об участниках Первой мировой войны, о своих односельчанах, переживших мировую катастрофу.

Список использованных источников

1. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.
2. Елизаров С. А., Нарижная Е. П., Неверова З. А., Юрис С. А. История Беларуси в контексте европейской цивилизации. Минск: Вышэйшая школа, 2016.
3. Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск: Беларусь, 1992.
4. Памяць. Дзятлаўскі раён. Мінск, Універсітэцкае, 1997.
5. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2014.
6. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918). Екатеринбург, 2000.

7. Родин Н. В. Великая война 1914–1918 гг. и национальная память России: проекты и реалии // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М.: МБА Квадрига, 2013.

8. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014.

9. Россия в Первой мировой войне. Великая забытая война. М.: Яуза Эксмо, 2014.

10. Сараковік І. А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі. Мінск: «Современная школа», 2009.

11. Сенявская Е. С. Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25).

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Новик Вера Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *novik_v.m@mail.ru*

WORLD WAR I: PARTICIPANTS AND CONTEMPORARIES IN MINDS OF DESCENDANTS

V. M. Novik

The article is devoted to the reconstruction of the war experience of the participants of World War I from Belarusian countryside whose memories are cherished naturally by their descendants. The author, a native of the Belarusian village Malaya Volya, collected memories of relatives and fellow villagers of World War I events for many years. Applying the method of oral history and military anthropology, the author recreated the atmosphere and mood during the stay of the villagers in the village Malaya Volya at the front, in the Austrian captivity and German occupation. An essential part of the narrative is to analyze the data of the local place names and origins of the village of nicknames, which became a kind of manifestation of historical memory. An essential part of the narration is to analyze data of local names and origin of rural nickname, which became a kind of manifestation of historical memory. There are memories of the German occupation of the village, the military campaigns of soldiers to revolutionary Moscow, relations between officers and soldiers in the Russian tsarist army. There is shown figuratively psychological state of the Belarusian peasant, whose moral principles have been violated by the war. There are shown house life and the daily life of the villagers in the trenches of war, in the Austrian captivity, during the occupation of the village by German troops. Fortunately, fate was kind to the people of the village Malaya Volya and participants of World War I, most of whom have returned home safe and sound.

Keywords: World War I, Belarus, Malaya Volya, war participants, memory, descendants.

Citation for an article: Novik V. M. World War I: participants and contemporaries in minds of descendants. West – East. 2016, no. 9, pp. 155–162.

References

1. Astashov A. B. Russkij krest'janin na frontah Pervoj mirovoj vojny [Russian peasant in the First World War]. *Otechestvennaja istorija* = National History, 2003, no. 2. (In Russ.)

2. Elizarov S. A., Narizhnaja E. P., Neverova Z. A., Juris S. A. Istorija Belarusi v kontekste evropejskoj civilizacii [History of Belarus in the context of European civilization]. Minsk: Vyshhejschaja shkola, 2016. (In Russ.)
3. Ignatoŭski U. M. Karotki narys gistoryi Belarusi. Minsk: Belarus', 1992.
4. Pamjac'. Dzjatlaŭski raen. Minsk, Universitjeckae, 1997.
5. Pervaja mirovaja vojna v ocenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo 1914–1918: v 4 t. [The First World War in the assessment of his contemporaries: the government and Russian society, 1914–1918]. M.: ROSSPJeN, 2014. (In Russ.)
6. Porshneva O. S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1918) [Mentality and social behavior of workers, soldiers and peasants of Russia during the First World War (1914–1918)]. Ekaterinburg, 2000. (In Russ.)
7. Rodin N. V. Velikaja vojna 1914–1918 gg. i nacional'naja pamjat' Rossii: proekty i realii [Great War of 1914–1918. and Russian national memory: projects and reality]. *Velikaja vojna 1914–1918* = The Great War 1914–1918, vyp. 3, M.: MBA Kvadriga, 2013. (In Russ.)
8. Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozenie, social'nye processy, politicheskij krizis [Russia during the First World War: the economic situation, social processes, the political crisis]. M.: ROSSPJeN, 2014. (In Russ.)
9. Rossija v Pervoj mirovoj vojne. Velikaja zabytaja vojna [Russia in the First World War. Great Forgotten War]. M.: Jauza Jeksno, 2014. (In Russ.)
10. Sarakovik I. A. Gistorija Belarusi ŭ kantjeksce susvetnaj gistoryi. Minsk: Sovremennaja shkola, 2009.
11. Senjavskaja E. S. Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov Pervoj mirovoj vojny: ocherk frontovoj povsednevnosti [Attitude to life and death of the participants of the First World War: A Short frontline everyday life]. *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal* = Past years. Russian Historical Journal, 2012, no. 3 (25). (In Russ.)

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Novik Vera M., Candidat of Historical Sciences, PhDr, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *novik_v.m@mail.ru*